

Я - ВОП
В ЗАКОНЕ

Евгений СУХОВ

Я - ВОР
В ЗАКОНЕ

ВОРОВСКОЙ
ДОЗОР

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Сухов, Евгений.
С91 Воровской дозор / Евгений Сухов. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Я — вор в законе).

ISBN 978-5-04-089648-6

Виртуозный карточный шулер Потап Феоктистов обыгрывает очередного «клиента» и получает в счет долга подлинную картину Рембрандта. Преступник берет в руки бесценное полотно и мгновенно заражается страстью к коллекционированию. Всю дальнейшую жизнь Потап посвящает собирательству и через тридцать лет становится обладателем одной из самых дорогих коллекций в мире. Он богат и счастлив. Но однажды жизнь Потапа рушится. Неизвестные взламывают его хранилище и выносят самые ценные экспонаты. К поискам шедевров подключаются МУР и Интерпол, но и сам Потап не сидит на месте. Он летит в Лондон в надежде обнаружить свои картины в местных аукционных домах. В британской столице его уже ждут. Ждут, чтобы убить...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089648-6

© Сухов Е., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ГЛАВА 1

Двадцать пять лет назад, или Следственный изолятор

Первое, что ощутил Потап Феоктистов, перешагнув порог следственного изолятора, — это тяжесть в коленях, потом пришла спасительная мысль: «Я здесь ненадолго! В ближайшие часы во всем разберутся и меня отпустят». Его повели по длинному коридору, в котором гулкое эхо отсчитывало каждый пройденный шаг; свернули налево, где в затемненном тупичке уперлись в мрачную металлическую дверь, за которой раздавались приглушенные голоса. Звонко лязгнул замок, и Потап прошел в камеру, слегка согнувшись под грузом многих взглядов. За спиной, подводя черту под прошлое, раздался грохот закрываемой двери.

— Как звать? — вышел из толпы худенький молодой мужчина лет тридцати с передними золотыми зубами.

— Потап.

— Первоходок?

— Да.

— Я — «смотрящий» хаты, «погоняло» Кузьма. В общем, так, народу нас здесь много, спим в три смены. Пока можешь присесть вон на ту шконку.. — показал он взглядом на свободное место. — А там по ходу все растолкую. Ну, чего стоишь, входи! Ты здесь уже не гость.

Долгожданное освобождение затягивалось. Сначала прошел один месяц, за ним тягуче потянулся другой. О его существовании позабыли. Через полгода камера обновилась полностью, и Потап, вместе с Кузьмой, сделался старожилом хаты.

В этот же день, ближе к обеду, вместе с тремя заключенными в камеру вошел невысокий седой худощавый мужичок. Его большая голова с оттопыренными ушами, державшаяся на тонкой, будто спичка, шее, выглядела несуразной. Серое неприятное лицо покрывали застарелые рубцы от шрамов и оспяных болячек. Он перешагнул порог последним, громко поздоровавшись со всеми сразу, ненадолго задержался у входа, словно остерегаясь какой-то серьезной неприятности, и, убедившись в отсутствии таковой, уверенно шагнул вперед.

В камере, признав в нем старшего, заметно притихли.

— Я за вора, — твердо проговорил седой, — «погоняло» Елисеич.

ГЛАВА 2**Ограбление,
или
Разбитая ваза**

Толокнов Андрей Васильевич, главный редактор журнала «Мир искусства», щелкнул мышкой и уперся взглядом в появившееся изображение. С монитора на него смотрело крупное лицо пятидесятилетнего мужчины с тонкими седящими усиками на широкой губе. Волосы черные, с редкой проседью, делавшие его заметно моложавее, в правом уголке рта застыла снисходительная усмешка. У него была весьма располагающая внешность, какая встречается у потомственных интеллигентов. С такой внешностью можно возглавлять какую-нибудь частную клинику, работать в областной администрации, заведовать кафедрой престижного вуза. Странность заключалась в том, что за плечами у этого человека — восемь лет строгого режима, но представить его в арестантской робе среди фиксатых заключенных с наколками по всему телу было невозможно.

Он считался одним из известнейших коллекционеров итальянской и фламандской школы живописи, чье собрание было внесено едва ли не во все значительные каталоги мира. Звали этого человека Феоктистов Потап Викторович. В кругу коллекционеров его давно называли легендой, что никак

не проявлялось внешне: держался он сдержанно и весьма скромно.

Месяц назад Андрей Васильевич стал свидетелем того, как заезжий американец пытался купить у Феоктистова три миниатюры фламандской живописи, но он отказался от предложенных денег, на которые можно было бы выстроить целый дворец. В этом отказе имелась своя сермяжная правда — зачем человеку царские хоромы, когда он долгие годы привык довольствоваться самым малым: узкой шконкой и пайкой от хозяина.

Еще Феоктистова отличала какая-то врожденная интеллигентность, весьма заметная при тесном общении. Он напоминал аристократа давно ушедшей эпохи. Мягкость интонаций тут ни при чем, хотя присутствовало и это, просто Потап Викторович при тесном общении превращался в весьма милого и остроумного собеседника, какие редко встречаются в повседневной жизни. Он обладал большим кругозором, прекрасно разбирался в истории и даже писал какие-то научные статьи о Наполеоне и Бисмарке.

Но сейчас, вчитываясь в раскрытый файл и переворачивая одну страницу за другой, главный редактор все более поражался масштабу личности Феоктистова. О нем захлеб писали едва ли не все крупные европейские издания, занимающиеся искусством и живописью. Его неизменно запечатлевали на фоне собранных раритетных картин, называя крупнейшим коллекционером современности

(собственно, так оно и было в действительности). Одно из изданий, сумевшее копнуть его биографию поглубже, иллюстрировало статью двумя фотографиями тридцатилетней давности, где Феоктистов был заснят анфас и в профиль, как обычно делают в пенитенциарных учреждениях, на фоне грубоватой линейки, нарисованной прямо на стене тюремной камеры.

Автор статьи был известный российский журналист, прекрасно разбирающийся в криминальной тематике. Умело жонглируя словами, как иной артист цирка полыхающими факелами, он, не опасаясь обжечься, вставлял воровскую «феню» в грамотный текст, отчего статья получала еще большую достоверность и выигрывала в наглядных образах. Выяснялось, что за годы строгого режима Феоктистова не удалось сломать (хотя желающих было предостаточно): он неделями сиживал в карцере, простужал почки, терял в драках зубы, а однажды на одной из пересылок заполучил подлый удар в спину заточкой, после которого едва выжил. А на поселении, куда он был отправлен незадолго до своего освобождения, выиграл в карты голландскую миниатюру, положившую начало его коллекции.

В «Таймсе» Феоктистову был посвящен целый разворот, и журналист, специализировавшийся по искусству, захлеб рассказал о его знаменитой коллекции, не позабыв упомянуть о восьмилетнем заключении в Нижнем Тагиле. Однако из всего

прочитанного оставалось совершенно непонятным, каким образом вчерашний каторжанин через несколько лет превратится в весьма влиятельного коллекционера. И самое главное — откуда он брал деньги на свое дорогостоящее хобби. Ведь не кистенем же добывал их на раритеты!

Потап Феоктистов слыл весьма любопытной личностью, и корреспонденты по крохам добывали информацию о его частной жизни. Последний раз он давал интервью шесть лет назад какому-то провинциальному репортеру, где в коротком разговоре поведал о тюремном сроке, добавив, что судимость давно погашена. Но вопросов к Феоктистову оставалось немало, и журналисты, не стесняясь быть непонятыми, выведывали о нем крупинцы правды у соседей и многочисленных приятелей.

Не рассчитывая на успех, Толокнов позвонил Потапу Викторовичу в надежде взять у него обстоятельнейшее интервью и был несказанно рад, когда тот ответил согласием.

— Знаете, я ведь являюсь одним из самых верных подписчиков вашего журнала, — мягким голосом произнес Феоктистов, — и буду весьма рад с вами пообщаться.

— Когда вы сможете? — едва сдерживая нетерпение, спросил Андрей Васильевич. — Может, завтра?

— Давайте послезавтра, Надя, это моя жена, как раз поедет на дачу, и я буду предоставлен сам себе.

— Где мы проведем интервью: у вас или в редакции?

— Давайте лучше в редакции, — после некоторой заминки решил Феоктистов.

— Как вам будет удобнее... Может, за вами прислать машину?

— Не нужно, я доберусь сам.

На том и сговорились.

От встречи с Феоктистовым Андрей Васильевич ожидал многого, самое главное, ему хотелось прояснить некоторые белые пятна в его биографии, которые наверняка будут небезынтересны читателям, именно тогда они в полной мере смогут оценить масштаб его личности. Главный редактор волновался перед предстоящей беседой, как школьница перед первым свиданием.

Он еще раз внимательно всмотрелся в фотографию молодого Феоктистова. Пожалуй, человек с таким взглядом может разломать тяжелую табуретку о голову неуступчивого оппонента. Вот только взгляд его с годами становился все более мягким, пока, наконец, не расплавился совсем, превратив его в эдакого понимающего добродушного мужичка. Но ясно одно — в местах заключения спуску он никому не давал и, уж тем более, никого не боялся. Оставался таковым и по сей день: у волка могут выпасть зубы, может облезть шерсть, но вот характер останется прежним.

Андрей Васильевич нервно посмотрел на часы. Феоктистов опаздывал уже на пятнадцать минут,

а ведь все единодушно уверяли, что тот славится своей невероятной пунктуальностью. Очевидно, должно было произойти нечто из ряда вон выходящее, чтобы он задержался.

Не изменяя заведенной привычке, Потап Викторович проснулся ровно в полседьмого утра, причем ему не нужно было заводить будильник, он всегда просыпался в одно и то же время — где-то в коре головного мозга были встроены биологические часы, заставлявшие открывать глаза с ударом минутной стрелки. Даже если бы он захотел снова уснуть, у него вряд ли бы получилось, а потому не стоило терзать себя бессмысленными попытками забыться, следовало подниматься.

Феоктистов открыл глаза с тревожным ощущением. Оно возникало всегда, когда судьба вдруг совершала непредсказуемый поворот. Возможно, щемящее чувство появилось оттого, что сегодня ему предстояла встреча с главным редактором «Мира искусства».

К предстоящему событию следовало подготовиться: Потап Викторович тщательно побрился, надушился дорогим парфюмом и облачился в лучший костюм. В праздничном облачении подарки судьбы воспринимаются еще ярче, а ее удары выглядят менее ощутимыми. Главный редактор Толочков намеревался взять у него подробнейшее интервью о его непростой (как он выразился) жизни, включая тот период, когда пришлось гнуть спину на «барина» в колонии. Толочков даже прислал пред-

варительный вопросник, где полюбопытствовался о финансовых источниках его коллекции. А также интересовался, с каких именно картин началось его знаменитое собрание фламандской живописи.

Потап Викторович невольно улыбнулся: «Чудак-человек, неужели он всерьез рассчитывает услышать правду?» Ему, как никому другому, должно быть известно, что столь значительные коллекции не собираются праведным путем, чаще всего это происходит через откровенный криминал, и чем значительнее произведения, тем крупнее преступление. Весь вопрос состоит лишь в том, сколько при этом крови налипло на костюм лекционера.

Пожалуй, серьезным собирателем он стал в тот момент, когда ему предложили картину Лукаса Кранаха Старшего «Венера и Купидон», и Феоктистов, не раздумывая, отдал за нее большие деньги. Накатившие воспоминания заставили его подойти к огромному, в два метра высотой, полотну. На нем была запечатлена зрелая обнаженная длинноногая женщина с каштановыми волосами, тонкими ручейками спадавшими на ее высокую грудь. Позади нее стоял золотокудрый мальчуган, готовый выпустить заточенную стрелу куда-то прямо перед собой, вот только женщина, еще не готовая к любви, слегка придерживала его правой рукой.

Феоктистов невольно залюбовался ее зрелым совершенным телом. Всем своим обликом богиня напоминала ему женщину, с которой он был не-

когда близок, правда, это было очень давно, еще до Надежды, и он ни разу не проговорился о своей давней возлюбленной. Но супруга, кажется, догадывалась о его особенных чувствах к картине и относилась к ней с неприязнью, не иначе как ревновала мужа к увядающему прошлому.

Сейчас Надя находилась на даче. В какой-то момент ее привязанность, которой он тяготился долгие годы, вдруг переориентировалась на цветы, и Потап Викторович, получив значительное личное пространство, большую часть своего времени посвящал походам по антикварным магазинам и выставкам, где подбирал кое-что интересное и для себя.

Феоктистов был из той редкой породы людей, которым в жизни доставалось все самое лучшее. Если влюблялся, так непременно в первых красавиц, умевших блистать и завоевывать всеобщее внимание (надо отдать судьбе должное, женщины отвечали ему взаимностью). Если он чем-то занимался, то стремился в своем деле достичь потолка (иначе не стоило и заниматься). Свою первую криминальную профессию — карточный шулер — он оставил, осознав в какой-то момент, что добрался едва ли не до самой вершины, откуда уже некуда было расти. Именно в этот момент ему подвернулся его величество случай: один из клиентов вместо денег поставил на банк небольшую картину фламандских живописцев (как выяснилось впоследствии, оказавшуюся полотном Рембрандта «Ночная

стража»). Выиграв картину, Потап всерьез заинтересовался живописью и вот уже более тридцати лет не мог остановиться. Так что и в коллекционировании он предпочитал взбираться на «восьмитысячники», собирая исключительно лучшее. Венцом его коллекции были полотна Рубенса, Антониса ван Дейка, Лукаса Кранаха Старшего. Собирал он и иконы, предпочитая раннее Средневековье. Одна из икон — «Умиление», значившаяся в списках под четвертым номером, приписывалась евангелисту Луке. Восемь похожих икон находилось в Риме, еще двадцать в музеях и частных коллекциях в Европе. Интересно, какую сумму выложил бы ему Ватикан, если бы однажды он захотел ее продать?

Постояв немного перед иконой, где Божия Мать прижимает к груди младенца, и, попросив у святыни прощения за крамольные мысли, Феоктистов подошел к зеркалу и невольно поморщился — новый костюм ему не нравился. Сняв с себя пиджак, он набросил старый, привычный. С возрастом Потап Викторович обнаружил в себе некоторую странность: он срастался со старыми вещами, будто бы с кожей, а потому избавлялся от них лишь в том случае (и то по настоянию Надежды), когда обнаруживались изрядные потертости. Не вмешайся супружница в его гардероб, так и носил бы каждую из рубаш до тех пор, пока материя не стала бы расплзаться от ветхости на куски. Такую привязанность понять мог только он сам.

С каждой из вещей у Феоктистова связаны